

П. Ю. Уваров*

ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ УНИВЕРСИТЕТА И «НАЦИИ»

КОГДА в 1607 г. французский капитан Маржерет рассказывал своему королю Генриху IV о том, как он служил начальником гвардии «российского императора» Дмитрия Иоанновича, он утверждал, что «Христианский мир много потерял с его смертью». Капитан отводил все обвинения в том, что его патрон был самозванцем, а тем, кто утверждал, что Дмитрий не соблюдал религию русских, он возражал как очевидец, «что тот обычно соблюдал все их обряды; хотя я и знаю, что он решил основать университет»¹. Слово «хотя» свидетельствует о многом: если государь желает основать у себя университет, это по мнению людей рубежа XVI и XVII столетий, определенно указывает на его желание преодолеть замкнутость своей страны и приобщить ее к единой европейской культуре, именуемой пока еще как «Христианский мир» (Christianitas, Chretienité).

И действительно, сама природа университетов превращала их, говоря языком сегодняшнего дня, в «агентов глобализации» – уже с XIII века можно говорить о создании единой достаточно унифицированной университетской системы – со схожими принципами организации, едиными требованиями, унифицированной иерархией степеней, однотипными программами. То единство, какого с таким трудом добиваются прозелиты Болонского процесса, существовало изначально и любой студент и ли магистр из Болоньи мог переехать в Париж, оттуда в Оксфорд или Саламанку и продолжать пользоваться теми же привилегиями, изучать те же предметы по тем же книгам, невзирая на многочисленные и тщательно лелеемые отличия одного университета от другого.

Но если одной рукой университет скреплял единство Христианского мира, то другой взламывал его, способствуя формированию регионального партикуляризма и пробуждению национального сознания. И это все происходило и происходило с таким завидным постоянством, что хочется говорить о неких константах университетской истории, проявляющихся таинственным образом вот уже свыше восьми столетий в самых разных уголках земного шара.

Но если не довольствоваться мистическим объяснением, то причины этого парадокса вполне можно отыскать на начальных этапах университетской истории. И хотя с некоторых пор принято цитировать слова основоположников движения «Анналов», упрекающих историков в чрезмерной приверженности к «идолу истоков», начать все же стоит с истоков, с первых университетов – хотя бы потому, что единожды возникнув спонтанно, университетские корпорации, их уставы, затем будут копироваться при создании новых учебных центров, и почти всегда при создании нового университета участвовали старые кадры, воспроизводя самую привычную им логику вещей.

---

* Уваров Павел Юрьевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, руководитель отдела западно-европейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории РАН (Москва).

¹ Il observoit toutes leurs ceremonies generalmente, combien que ie ne sois ignorant qu'il avoit resolu de fonder une université... *Маржерет Ж.* Состояние Российской империи // *Ж. Маржерет в документах и исследованиях.* М., 2007. С. 108–109б, 182–183.

Парижский университет, безусловно, является самым древним, если понимать под университетом корпорацию, наделенную статутами. Именно Парижский опыт лег в основу той модели, которая в конечном итоге, возобладавала в большинстве стран Средневековой Европы, и поэтому логично обратиться именно к его истории. Или даже к предыстории.

Еще до создания университетской корпорации, в XII в. школяры и магистры, в изобилии прибывающее в знаменитые парижские школы, были организованы по принципам землячеств. Поскольку прямых свидетельств источников для этого «предуниверситетского» периода у нас нет, приведем три косвенных свидетельства.

1. В сатирической поэме конца XII в. «Зерцало глупцов», написанной Нигелом Вирекером, ее герой – осел Брунелл, по заявлению самого автора, олицетворяет собой тип клирика, недовольного своей судьбой и ищущего сладкой жизни. В поисках лучшей доли и славы Брунелл много путешествует по миру, пока не оказывается в Париже, где семь лет проживает в английской студенческой колонии, предаваясь чревоугодию и иным грехам. За семь лет, посвященных свободным искусствам, осел только и выучился, что произносить «И-а» с ученым видом, и требовать, чтобы его впредь именовали «магистр Брунелл»².

2. Датой основания Парижского университета ошибочно полагают 1200 г. На самом деле в этом году в грамоте, выданной Филиппом II парижским школярам лишь гарантировалась неподсудность королевскому прево. Это был ответ на стычку школяров с парижанами, начавшуюся в таверне, где студенты «нашли вино скверным, а плату за него непомерно высокой». После того, как школяры разгромили таверну, парижане разыскали дом, где жили их обидчики, убив и ранив несколько человек. Но это была «sodalitia» – что-то вроде пансиона или общежития, где жили немецкие студенты³.

3. В конце XII в. строгий моралист и теолог Яков Витрийский обличал дурные нравы, царящие в парижских школах. Среди прочего отмечалась их готовность спорить по любому поводу. «Даже различие стран возбуждало у них несогласия, ненависть, сильные ссоры и они бесстыдно преследовали друг друга всякого рода бранью и оскорблениями. Англичан они называли пьяницами и шутами, французов – гордыми, изнеженными и женственными, говорили, что немцы ведут себя на пирушках по-скотски, нормандцев называли тщеславными и хвастливыми, пуатьевинцев – вероломными и лстивыми, бургундцев – грубыми и глупыми, бретонцев – легкомысленными и переменчивыми. Вследствие подобных оскорблений часто дело переходило от слов к потасовке»⁴.

Итак, все три свидетельства, которые вполне можно назвать негативными, относятся к периоду, предшествующему возникновению университетской корпорации, и все три случая показывают, что размежевание по землячествам было органичным явлением школьной жизни. Возможно, именно поэтому на страницы университетских уставов сведения о них попадают позднее, чем сведения о новосозданных институтах – о факультетах, объединяющих преподавателей и студентов одной специальности, и созданных для упорядочивания преподавания и системы присвоения степеней.

² Baldwin J. W. Paris, 1200. Paris, 2006, P. 331. См. также: Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 470–474.

³ Baldwin J. W. Op.cit. P. 291.

⁴ The Historia occidentalis of Jacques de Vitry // Spicilegium Friburgense, 17, Fribourg, 1972. P. 92. Цит. по: Хрестоматия по истории средних веков М., 1950. Т. 2. С. 289.

В своем законченном виде, оформившемся к середине XIII века Парижский университет, как известно, состоял из многолюдного низшего факультета искусств и трех сравнительно небольших высших факультетов – теологии, канонического права и медицины. Отучившись не менее пяти лет на факультете искусств и пройдя степени бакалавра и магистра, студенты, а точнее – те немногие, кто дошел до магистерской степени, могли либо довольствоваться этой степенью, либо поступать дальше на один из высших факультетов. Во главе высших факультетов стояли деканы и синдики, но главой университета считался ректор, которым мог быть только один из магистров факультета искусств. Сам же факультет искусств состоял из четырех наций – французской, нормандской, пикардийской и английской или англо-германской. Ректор же избирался сроком на квартал поочередно из числа членов каждой нации. Во главе наций стояли избранные прокураторы, которые осуществляли свои функции при помощи других должностных лиц – казначей, писаря, и педелей – университетских приставов.

В Париже никогда не было матрикюлов – книг, куда записывали всех студентов, поступающий записывался в книгу прокуратора своей нации. Поэтому мы почти ничего определенного не можем сказать о социальном происхождении студентов и магистров средневековых университетов – в отличие от советских образовательных учреждений, этот вопрос никого в ту пору не интересовал. Зато мы точно знаем, с территории какого церковного диоцеза прибыл в университет данный студент: нация строго следила за тем, чтобы новичок был приписан именно к своей нации, заинтересованной в этом самым кровным образом. Ведь именно в казну нации студент производил финансовые отчисления при сдаче экзаменов и получении очередной степени⁵. Примечательно, что поступив на высший факультет и даже получив там степень, человек не терял связи со своей нацией, продолжал считаться ее членом и в случае необходимости мог рассчитывать на ее помощь. Наконец, самое главное, – именно нации составляли «ротулы» – списки кандидатов из числа новоиспеченных магистров или бакалавров, в которых ходатайствовало перед папой о предоставлении церковных бенефициев самым лучшим преподавателям – нечто среднее между привилегированной профессорской зарплатой, стипендией и «исследовательским грантом». Эти списки каждая нация самостоятельно, за свой счет, доставляла к папскому двору⁶.

Насколько свободен был студент в выборе своего преподавателя? Во всяком случае, на факультете искусств она была ограничена рамками своей нации. И даже более того – книги прокураторов англо-германской нации парижского университета показывают, что, как правило, студент оказывался учеником магистра, происходящего из той же местности, что и он сам, в крайнем случае – учеником уроженца соседней области. Для студента-венгра таким руководителем мог быть магистр из Австрии или Польши, для датчанина – швед или уроженец ганзейских городов⁷.

Поскольку благосостояние «нации» и ее магистров напрямую зависело от числа студентов, то понятно, почему землячества столь упорно отстаивали права на уроженцев «своей» территории. Так, например, в 1436 г. университет сотрясал конфликт по поводу трех студентов из города Жизора, расположенного на гра-

⁵ Tanaka M. La nation anglo-allemand de l'Université de Paris à la fin du Moyen Age. P., 1990. P. 59.

⁶ Watt D. E. R. University Clerks and Rolls of Petitions for Benefices // Speculum. 34. 1959. P. 213–229.

⁷ Tanaka M. La nation anglo-allemand de l'Université de Paris à la fin du Moyen Age. P., 1990. P. 141–185.

нице Нормандии и Иль-Де Франса, внесенных в списки Французской Нации, но востребованных нацией нормандской⁸.

Итак, нация выступала в роли институциональной базы для получения степени и для последующего ходатайства о присвоении церковных бенефициев. Она стояла на страже интересов своих членов, даже если они уже покинули факультет искусств. Так, Фома из Кракова в 1401 г. получает степень магистра искусств, а через два года просит заступничества у своей родной англо-германской нации, поскольку его вовремя не представили к экзамену на степень лиценциата канонического права⁹. В 1414 г. нормандец Юрсен де Талевенд обратился к университету с просьбой помочь ему получить пост епископа Кутанса, упирая на то что в Нормандию должны назначаться именно нормандцы. Ректор (им в ту пору был представитель французской нации) воспротивился и возмущенные нормандцы устроили драку. В последовавшем разбирательстве на помощь землякам пришли все бывшие члены нормандской университетской нации – и доктора высших факультетов, и вообще все находившиеся в Париже в то время чиновники и прелаты, некогда принадлежавшие к этому землячеству¹⁰. Но неожиданно и гораздо более аморфная французская нация, куда входили как выходцы из всех французских диоцезов, за исключением Нормандии и Пикрадии, так и вообще все уроженцы романских стран, устроила аналогичное заседание. В здании капитула Нотр-Дам собрались все «французы» – доктора теологии, права и медицины, но также и советники парламента, адвокаты прелаты, каноники. Видимо, все же такие собрания были беспрецедентны – современники удивлялись тому, что просторный зал оказался тесен¹¹.

Но если мэтр по каким-то причинам выбывал из своего землячества, то его положение в университете заметно осложнялось. Мэтр Поль Николь или Николай из Склавонии (Словении), получивший степень магистра искусств еще в 1418 г. через семь лет не был допущен к экзамену на получение степени на теологическом факультете. Он увидел в этом происки англо-германской нации, из которой был в свое время исключен, и затеял процесс в Парижском парламенте. Любопытно, что университет настаивал на необходимости дополнительного времени, чтобы удостовериться в высоких качествах будущего теолога, призванного нести слово Божие в стране, столь близкой к сарацинским землям. На что обиженный теолог указывал, что он – уроженец христианской страны Венгрии, равно удаленной как от Парижа, так и от сарацинских земель, к тому же Венгрия – древняя Паннония, явившая миру святого Мартина. Но судебный процесс тянулся в Парламенте вплоть до 1438 г.¹²

У каждой университетской нации, а иногда и у более мелких ее подразделений («провинция», «диоцез») была своя капелла для проведения ассамблей. В церкви Сен-Жюльен-Ле Повр проводили заседания пикардийской нации, прежде чем она построила свою собственную капеллу на улице Соломы. Англичане собирались в церкви Сен-Ком (св. Космы и Дамиана), французская нация избира-

⁸ Du Boulay C. E. *Historia universitatis parisiensis* P., 1670. T. V. Col. 434.

⁹ Thanaka M. *Op.cit.* P.60

¹⁰ *Cartularium Universitatis Parisiensis* (далее – CUP). T. IV. P., 1897. P. 289–293. № 2324.

¹¹ Crevier J.-L.-B. *Histoire de l'Université de Paris*. P., 1761. T. IV. P. 310.

¹² Du Boulay C. E. *Op. cit.* T. V. Col. 377–380; Tuilier A. *Un conflit entre un étudiant croate et l'Université de Paris au XVe siècle // Mélanges de la Bibliothèque de la Sorbonne*, 7, 1986. P.37–103; Lusignan S. «Verité Garde le Roy» *La construction d'une identité universitaire en France (XIII–XVe siècle)* Paris, 1999. P. 77–82.

ла местом встречи церковь Сен-Николя-де-Шардонне, а также капеллу Наваррской коллегии. Впрочем, бретонцы, входившие в Турскую провинцию французской нации, имели собственную капеллу. Посвященную их патрону, св. Иву.

Ив Элори, бретонец по происхождению, учился в XIII веке в Париже и Орлеане. Несмотря на свое благородное происхождение, долгое время оставался сельским кюре и лишь в 1284 году стал официалом (главой церковного суда) при епископе Реннском. Он использовал свои знания, защищая в суде бедных против богатых, не взимая денег за свою помощь. В 1347 г. Ив был причислен к лику святых и стал считаться покровителем как парижских адвокатов, так и проживавших в университете бретонцев.

Святой Ив был бретонцем,
Адвокатом, но не вором –
Вещь народу дивная.

– так славил этого святого в Париже¹³. Многие бретонские прелаты и судейские с университетскими степенями, разбогатев, оставляли вклады этой капелле, где всегда могли найти помощь бедные студенты-бретонцы. Именно отсюда, из Парижа, культ святого Ива распространился и в Бретани (между прочим, изначально лишенной лингвистического единства), где он наравне с культом святой Анны, почитается патроном герцогов Бретонских и их герцогства, де-факто сумевших обрести независимость в XV веке. Вот пример того, как университетское землячество может способствовать складыванию региональной идентичности.

Но деятельность университетских наций была далеко не единственным проявлением чувства региональной солидарности. На повседневном уровне не менее важна была роль университетских коллегий. Основатель коллегии жертвовал определенное недвижимое имущество (городские дома, уголья сеньориальные доходы), которое потом преумножалась вкладами прочих дарителей, на эти средства нуждающимся студентам и магистрам предоставлялось жилье, содержание, иногда – книги. Довольно быстро коллегии становятся центрами преподавания. А с середины XV в. университет в определенной мере превращается в конфедерацию коллегий, числом до полусотни. За редчайшим исключением все они основывались тем или иным благодетелем для своих земляков, или уроженцев той местности, где он достиг наибольших успехов. Делами коллегии ведал его душеприказчик из числа родственников, земляков или преемников по должности. Например, по завещанию Жана де ла Марш, аудитора при папской курии, уроженца города Марш, что в герцогстве Бар, место руководителя (принципала) в основанной им коллегии должно было достаться клирику из города Марш или, в крайнем случае, жителю герцогства Бар¹⁴. Предпочтение при распределении мест в коллегии должно было оказываться родственникам основателя. Помимо соображений престижа и солидарности основатель коллегии имел некие резоны для своей благотворительности: ему гарантировано было вечное молитвенное заступничество со стороны все новых поколений благодарных земляков. Когда в середине XV века власти попытались сократить доходы коллегий, представитель университета предложил подумать о душах предков: лишенные молитв студентов, они будут обречены на муки Чистилища¹⁵.

¹³ Roux S. *La Rive Gauche des escoliers au XVe siècle*. Paris, 1992.

¹⁴ Corrozet G. *Les antiquités, chroniques et singularités de Paris*. P., 1586. P. 104.

¹⁵ CUP. T. IV. P. 339, № 2098; *Journal de Clément de Fauquemberge (1417–1435)* / Publ. A. Tuetey P., 1915. T. III. P. 104.

Вот один из многочисленных примеров споров о коллегиях. На рубеже XIV–XV вв. большое значение приобрела коллегия Бовэ, называемая также коллегией де Дорманс по имени основателя – кардинала Жана де Дорманса, епископа Бове, но она открыта была не столько для бовезийцев, сколько для земляков кардинала – выходцев из Суассонского диоцеза. В начале XV века места в ней распределял аббат суассонского монастыря Сен-Жан. В 1407 г. магистры и студенты из той коллегии жаловались в Парламент на аббата, поскольку тот отказал в месте преподавателя достойному кандидату – уроженцу города Реймса, предпочтя ему магистра, лишенного иных достоинств, кроме своего суассонского происхождения. Парламентская комиссия утвердила более компетентного магистра, но оговорила, что это решение не должно создавать прецедент, ущемляющий права аббата. Характерно, что в ту парламентскую комиссию назначили бывших выпускников этой коллегии из числа парламентских судей, составивших, таким образом, своеобразный попечительский совет¹⁶.

Самой известной была Наваррская коллегия, основанная Жанной Наваррской, женой Филиппа IV Красивого и последней наследницей линии графов Шампанских. По ее завещанию, в 1305 году открыли эту богатую коллeгию на 70 мест для студентов из Шампани. Впрочем, впоследствии требование к происхождению не применялось здесь слишком строго. Коллегия находилась под особым королевским покровительством. Ее учениками числились принцы королевской крови, а на празднике в честь патрона коллегии – Св. Людовика иногда бывал сам король.

Отправляя детей в Париж, провинциалы рассчитывали, что им удастся завязать ценные связи, найти могущественных покровителей из числа земляков в коллегиях и «содалициях» – товариществах студентов, совместно снимавших жилье. Как нередко бывает, обездоленными в этом отношении были жители столицы.

Конечно, университетские нации не могли не испытывать на себе превратностей большой политики. Во время Столетней войны доля собственно англичан в составе английской или англо-германской нации катастрофически сократилась, хотя и не исчезла полностью – все выходцы с Британских островов приписывались к шотландской нации. Зато во время английского господства в Париже (1421–1436 гг. – период так называемой «двойной монархии») шотландцы, как верные союзники французов на время исчезают из списков нации. Открытие англичанами «своего» университета в нормандском городе Кан, неблагоприятно сказалось на положении нормандской нации Парижского университета. Еще тяжелее на Парижском университете сказалась церковная Схизма – жители областей, поддерживающих римского папу, отказывались ехать в университет, признавший авиньонского «антипапу», и уж точно не могли рассчитывать ни на получение от него церковных бенефициев, ни на признание своих степеней в родных землях. Отсюда – стремительный рост числа новых университетов на территории Империи, а затем и в скандинавских странах и в Польше. Пикардийская нация в XV и XVI веках испытывала на себе превратности отношений французских королей с владельцами Нидерландов, будь то бургундские герцоги или сменившие их Габсбурги: их подданным несколько раз предписывалось покинуть Парижский университет, а пикардийские коллегии испытывали в периоды войны большие трудности с получением своих доходов. Но все это, впрочем, воспри-

¹⁶ Journal de Nicolas de Baye, Greffier du Parlement de Paris (1400–1417) / Publ. A. Tueteу. P., 1888. T. I. P. 191, T. II. P. 68.

нималось не как естественный ход вещей, а как досадное нарушение принципов, лежащих в основе университетской системы.

В свою очередь, возможна была и обратная ситуация – конфликт, возникавший между университетскими «нациями» практически на бытовой почве, мог приобрести чуть ли не «вселенские масштабы».

Чего только не писали, например, о латинском аверроизме и его вожде Сигере Брабантском! В любом учебнике по истории философии написано, что во второй половине XIII в. в Париже возникло направление радикально мыслящих сторонников Аристотеля и его арабского толкователя Аверроэса, бросивших вызов засилью теологов. Под руководством вольнодумца Сигера Брабантского, они попытались создать свой собственный университет, свободный от контроля теологов. На самом деле в 1271 г. на Рождество был избран ректором университета магистр искусств Альберик Реймский, представитель французской нации. Нации пикардийская и английская поддержали эту кандидатуру, тогда как нормандцы почему-то выступили с протестом. Надо сказать, что выборы ректора, при все том, что он избирался на короткий срок, очень часто сопровождались скандалами и даже драками. До самого конца XVI в. церковь Сен-Жюльен-ле-Повр, где проходили выборы, приходилось ремонтировать после очередных «дебатов». На сей раз нормандцев, отказавшихся подчиняться Альберiku, не пригласили на следующие выборы. Обиженные нормандские магистры образовали свой собственный факультет, избрав своего ректора. Поскольку они не желали придавать своему демаршу видимость конфликта «наций», они избрали ректором не нормандца, но пикардийца – Сигера Брабантского, перетаскив на свою сторону некоторых магистров и других наций, например, датчанина Боэция Дакийского. Таким образом, с 1272 в университете существовало две «партии» «партия Альберика» и «партия Сигера»¹⁷. Этот раскол длился до 1275 г. когда вмешательство папского легата завершило схизму. Сигера как вождя раскольников вызвали к Папе, где он и умер при загадочных обстоятельствах в городе Орвието. Трудно сказать, почему Сигер из лидера одной из университетских фракций превратился в глазах следующих поколений в мятежного лидера радикального философского течения, но то, что серьезная философская коллизия оказалась связана с отношениями между университетскими землячествами – весьма показательно. Напомним, что борьба за распределение мест в Пражской коллегии Каролиnum в конце XIV в. вылилась затем в Кутногорский эдикт и гуситским войнам, потрясшим всю Европу.

В целом следует признать, что университетские нации помогали осознать свою идентичность тем или иным регионам. В обычной жизни выходцы из разных мест в Нормандии, Тоскане или Саксонии не осознавали своего единства, пока не оказывались в далеких университетах противопоставленным соответственно «французам» и «пикардийцам», «умбрийцам» и «пьемонтцам», «богемцам» и «швабам».

Помимо землячеств, еще, по меньшей мере, два обстоятельства способствовали тому, что университеты начинали играть роль выразителя местной идентичности. Во-первых, университет получил свои изначальные привилегии от универсальной власти – от святого престола. Но реальное выполнение этих привилегий зависело от местной власти, в данном случае – от короля. На протяжении многих веков магистры развивали идею «*translatio studii*», утверждая, что сперва образованность из Египта была заимствована греками, затем Римлянами,

¹⁷ *Де Либера А. Средневековое мышление М., 2004. С. 115–117.*

а от них перешла к франкам. Модификаций этой метафоры существовало множество, но главным было убеждение, что ученость и знания являются главным украшением королевства. К XIV в. уже вполне определенно заявлялось, что особые права французских королей, их превосходство над другими монархами заключается, среди прочего в том, что именно в Париже находится главная сокровищница мудрости Христианского мира¹⁸. С середины XIV в. в диалоге университета с королем появляется новая метафора, которой суждено большое будущее – университет объявляется любимой дочерью короля¹⁹. Подчеркнуто женская сущность университетской корпорации (дочь короля, мать всякой образованности и *Alma mater* своих выпускников) позволяла настаивать на необходимости особого покровительства со стороны королевской власти. Университетские проповедники начала XV века и в частности, Жан Жерсон, подчеркивали беззащитность университета²⁰. Парадоксальным образом «экстерриториальность» университета, отсутствие у него (точнее – у нее) богатств и каких бы то ни было материальных и политических интересов, позволяло представителям университета утверждать, что говорить правду королю и давать ему советы – их право и даже обязанность. «Раз Университет учит посредством своих подданных весь народ Франции терпению и доброму послушанию королю и своим сеньорам, то как же может она не учить короля благонравию по отношению к своему народу? Подданные прибывают отовсюду, чтобы достичь знаний и мудрости. Словно драгоценное семя направляемы они со всех частей общественного тела в чрево университета, дабы породить людей в высшей степени совершенных. Поэтому университет должен говорить с королем как бы от всей Франции, как бы от всех сословий, к которым принадлежат студенты, от лица всех их родственников и друзей, испытывающих величайшие беды, но лишенных возможности прибыть сюда, чтобы высказать свои горькие жалобы...»²¹. Так, в силу своей особой универсальной компетентности и в силу своего особого положения университет претендует на роль представительства национальных интересов, а его доктора позиционируют себя как национальную элиту. Впрочем, Жерсон тут же выходит за «национальные рамки»: «Разве университет не представляет все королевство Франции, а то и весь мир?»²². Впрочем, никакого противоречия в этом не было – лучшие люди королевства тем самым становились лучшими людьми Христианского мира, ибо одно из правил функционирования университетской (и не только университетской) этической системы предписывало видеть центр если не мироздания, то мировой мудрости именно в стенах своей достославной корпорации.

Во-вторых, фактором, способствующим тому, что любой университет становился выразителем местной самобытности, была отмеченная Жерсоном учительская функция университета, дидактизм и подчеркнутая экстравертность университетской культуры. Обращенность вовне, к городскому окружению – вещь неочевидная, и не имеющая прямого функционального объяснения. Для обучения в университетах не нужно было знать местного наречия. Достаточно было латыни,

¹⁸ *Lusignan S. Op. cit. P. 247–267.*

¹⁹ CUP. T. III. № 1223.

²⁰ *Lusignan S. Op. cit. P. 268*

²¹ *Gerson J. Oeuvres complètes / Ed. par P. Glorieux. P., 1968. T. VIII. P.1139.* В академическом издании Палемона Глорье говорится о «драгоценном смысле» (*sense précieux*), но в первом французском издании этой знаменитой проповеди Жерсона «*Vivat rex*», изданной в Париже в грозном 1561 г. речь шла именно о драгоценном семени (*semence précieuse*).

²² *Gerson J. Oeuvres complètes. P. 1146*

выдаваемые степени также имели не местное, но всеобщее значение. Нигде в университетских уставах или хартиях не прописывалась культуртрегерская роль университета. Однако если в стране появлялся университет, то можно быть уверенным, что рано или поздно на местный язык переведут труды Аристотеля, латинских стоиков, Боэция, важнейшие трактаты университетских мыслителей (например – «Защитник мира» Марсилия Падуанского, строжайше запрещенный папой)²³. Университеты постоянно апеллировали к народу, стремились информировать его о проблемах университетской жизни, в свою очередь, откликаясь на актуальные события в жизни страны или города²⁴. Весь этот информационный обмен велся на национальных языках, в доступной форме университетскими поэтами, переводчиками, проповедниками. Власти достаточно часто и не всегда успешно пытались запретить университетским деятелям «обращаться к народу по каким-либо поводам, помимо чисто божественных вопросов»²⁵. Да и собственно университетская поэзия оставалась исключительно латинской очень недолго, уже с середины XIII в. вирши вагантов сменяет «вернакулярная» поэзия авторов, связанных с университетской средой, приобщенных к университетской культуре, но ориентированных на светскую аудиторию и светскую проблематику.

В конце концов, переводят и священное писание. Ведь «любой христианин имеет право читать Евангелие на родном языке», как сказал в самом начале XV в. магистр Копенгагенского университета К. Педерсен²⁶. Именно университетские магистры переводили Библию на английский, чешский, немецкий, французский и прочие языки...

И все же и уже названные обстоятельства и еще не названные (например, стремление университетов защищать местные интересы перед лицом папского универсализма) не могли полностью лишить университетов их цементирующей роли для единства христианского мира.

Да и как могло быть иначе, ведь главным элементом университетской системы была способность присваивать степени (или, как говорил Ломоносов – «ученые градусы»). Степень являлась гарантией достоинств ее обладателя, дающая ему право на высокий социальный статус. Только «Высшая», точнее «Всеобщая» школа – университет, «*Studium generale*» выдавала *licencia ubique docendi* – право преподавать повсюду. И эта специфика прекрасно осознавалась современниками. В школе, лишенной этого звания, «сколько бы магистры ни кормились своей деятельностью, она не связана с привилегированным титулом, из чего следует, что имя магистра там двусмысленно по большей части». Но в «настоящих Всеобщих школах»: «Господа наук увенчиваются лаврами, чтобы радоваться как одеждам так и особым свободам; они пользуются также особым уважением как светских, так и духовных глав не мене, чем уважением народа и такие магистры

²³ *Lusignan S.* Op. cit. P. 258

²⁴ *Уваров П. Ю.* Парижский университет XIII – начала XIV в. и общественная жизнь средневекового французского города (по франкоязычным университетским произведениям): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1982. Даже для XVI в., для периода, когда, по единодушному мнению историков, политическая роль Парижского университета была сведена до минимума, Парижский университет доставил массу хлопот королевскому правительству, успешно апеллируя к парижанам, дабы сорвать ратификацию Болонского конкордата. См.: *Doucet R.* Etude sur le gouvernement de François Ier dans ses rapports avec le Parlement de Paris, P., 1921 Vol. 1.

²⁵ *Du Boulay E.C.* Op. cit. T 6 col 186.

²⁶ *Воззрин Е. Е.* Копенгагенский университет и духовная культура Дании (XV–XVII вв.) // Городская культура Л., 1986 С. 162

и господа наук титулуются похвальным образом», гласил текст XIV века²⁷. Так, уже из самой природы университетов вытекала их кровная заинтересованность и в единстве единого образовательного пространства и в наличии авторитетных сил, которые могли бы обеспечить «конвертируемость» университетских степеней во всех уголках Христианского мира. Отсюда и упорное стремление университетов преодолеть духовный и политический раскол Европы, подчеркнутая установка на поддержание единства «республики ученых».

Отчасти они в этом преуспели, и им удалось убедить всех в том, что наука едина и не имеет границ. Поэтому словосочетание «Академия российских наук» смехотворно. Но зато к словам «Российская Академия наук», а уж тем более – «Российская наука», мы давно привыкли и не можем обойтись без национально-государственной прописки образования и учености. И в этой противоречивости также ощущается наследие средневековых университетов.

---

²⁷ *Thorndike L. University Records and Life in the Middle Ages. N.-Y., 1944. Цит. по: О похвале клиру // Антология педагогической мысли христианского Средневековья М., 1994 С. 216.*